

ИННА НИКОЛАЕВНА МИНЕЕВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и журналистики филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ruslitemig@mail.ru

**ТВОРЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ПОВЕСТИ Н. С. ЛЕСКОВА
 «АСКАЛОНСКИЙ ЗЛОДЕЙ. ПРОИСШЕСТВИЕ В ИРОДОВОЙ ТЕМНИЦЕ
 (ИЗ СИРИЙСКИХ ПРЕДАНИЙ)»: ИСТОЧНИКИ, ГЕНЕЗИС, ПОЭТИКА***

Представлены наблюдения над творческой историей повести Н. С. Лескова «Аскalonский злодей». Отправной точкой для ее написания послужило не собственно «Слово о купце», с которым писатель познакомился по изданию Пролога 1642–1643 годов, а сделанный в записной книжке конспект неустановленным лицом. В процессе фиксации неизвестный переписчик сохранил концепцию и сюжетную канву Слова. Зафиксированный проложный сюжет получает у Лескова новую актуальность в 1886–1887 годах. На его основе писатель создает «прилог» от 14 июня и включает его в цикл «Легендарные характеры» (1-я редакция). Следуя концепции и сюжетной основе чужого конспекта, Лесков подвергает его редактированию. В центре авторского внимания – образ «некой жены» (подчеркивается ее сострадательность, кротость, целомудрие) и образ «разбойника» (вводится ситуация его внутреннего преображения). Эйдологические изменения сделаны с целью «очеловечить евангельское учение». К отредактированному проложному источнику писатель снова возвращается в 1888 году и создает 2-ю редакцию, получившую название «Аскalonский злодей. Происшествие в Иродовой темнице (Из сирийских преданий)». Сохранив и разив намеченное в 1-й редакции идейное ядро, Лесков переработал «прилог» от 14 июня в нравственно-философскую повесть о силе жизни. Подобное истолкование проложного Слова обусловило дальнейшую эйдологическую корректировку образов «некой жены», «купца», «вельможи», «разбойника». Впервые повесть была опубликована в 1889 году в журнале «Русская Мысль» № 11 (1-й вариант 2-й редакции). Писатель вносит лишь незначительные изменения частного характера, не нарушающие общую идейную концепцию произведения (изменяет эпиграф, усиливает в образе «купца» страсть к богатству). В 1890 году Лесков вновь включает повесть (2-й вариант 2-й редакции) в состав Собрания сочинений (СПб., 1890. Т. 10) с незначительной стилистической правкой. В исследование впервые вводятся некоторые неопубликованные ранее архивные материалы и выявляются неизвестные литературные и исторические источники повести.

Ключевые слова: Пролог, русская литература XIX века, Н. С. Лесков, «византийские» легенды, текстология литературы Нового времени

История повести Н. С. Лескова «Аскalonский злодей» еще не была предметом специального последовательного изучения. Имеются работы, посвященные отдельным источникам и интерпретации идейно-тематического плана произведения [1], [5]. Цель статьи – представить целостную картину создания повести (от конспекта первоисточника – к окончательному тексту), определить своеобразие ее поэтики, выявить те литературные источники, которые еще не были обнаружены.

В середине 1880-х годов в записной книжке Лескова рукой неизвестного лица переписан текст проложного «Слово о купце» от 14 июня (далее – Слово) по изданию Пролога 1642–1643 годов (М., Синод. тип.) [4]. В Слове рассказывается о «неком купце», который во время плавания в Африку потерпел кораблекрушение и погубил свое и чужое имущество. За долги заимодавцы посадили его в темницу, «расхитили» дом, ничего не оставив «некой жене». От

«многаго неимения» она работала и приносила в темницу мужу хлеб. Однажды, когда «некая жена» была в тюрьме, вошел «некий вельможа» дать «милостыню сущим». Увидев ее, он «уязвился сердцем видев красоту ея: бе бо поистине красна зело», подозвал к себе и спросил, ради какой вины она здесь находится. Когда она рассказала историю своего мужа, вельможа «рече к ней: «аще искуплю весь долг ваш, спиши ли со мною нощь сию»». Жена же, «яко красна душею и целомудрена», сказала ему: «слышал ли еси, господине мой, апостола глаголюща: яко жена не владеет телом своим, но муж, иду и вопрошу мужа моего». Купец, «разума исполнен сый, и верен к своей жене, не восхоте блудным именем свободитися». В то время в темнице был затворен «некий разбойник», который стал свидетелем разговора, и дивился тому, что они последовали евангельской заповеди: «паче богатства чистоте своей восхотеша». И «воздыхая в себе, глаголаше <...> аз же окаянный что соторю, иже

никогда поневоле суме помыслив, яко есть Бог и того ради и убийству многу повинен бых». Умилясь целомудрию «некой жены», разбойник призвал ее и открыл ей место, где находились сокровища. После его казни она сможет взять золото «во отদание долга». «Некая жена» нашла указанное место, раскопала и обрела скуденьник золота. Так милостью разбойника купец был освобожден из темницы. Проложное Слово утверждает христианскую идею, выраженную в заключительных словах «некоего отца»: «яко же сохраниста заповедь Божию, сице и Господь возвеличи милость свою на них» [7].

В ходе фиксации в записную книжку переписчик внес в проложный текст некоторые изменения. Сохраняя идею и сюжетную канву Слова, он наиболее кратко передал его основные события и практически весь текст перевел на современный русский язык. Единственный отрывок, который полностью переписан им на церковнославянском языке, – эпизод пленения вельможей красотой некой жены (РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 108. Л. 39 об.). Возможно, в Прологе его выделил сам писатель [4].

В 1886–1887 годах на основе конспекта Лесков создает собственный пересказ Слова под названием «прилог» от 14 июня и включает его в состав цикла «Легендарные характеры» (1-я редакция). На данном этапе переработки писатель следует концепции и сюжетной основе чужого конспекта, но в то же время подвергает его редактированию. В «прилоге» от 14 июня в центре авторского внимания – образ «некой жены». Лесков стремится сделать ее облик более жизненным. За счет введения дополнительных психологических характеристик автор делает акцент на таких качествах героини, как сострадательность, кротость, мудрость. Особенно явственно это прослеживается в эпизодах прихода в темницу к мужу и беседы с вельможей: «Женщина остается с ним (мужем. – И. М.) по любви и состраданию, чтоб облегчать его участь... Женщина не обнаружила ни гнева, ни досады, не стала устыжать вельможу за то, как он пользуется затруднениями бедности...»¹. Подобная интерпретация образа «некой жены» обусловлена общей задачей цикла «Легендарные характеры» – «изменить представление о женщинах только как соблазнительницах» (1989: 310), убедить читателя в том, что в византийской книге есть «женские лица», которые не только «останавливали мужчин от их грубых страстей, но даже научили их обуздывать свою природу» (1989: 374).

Кроме того, в 1-й редакции более четко, чем в конспекте, противопоставлены образы «вельможи» и «злодея» путем введения и варьирования слова «милосердие»: «Женщина, не подозревая ничего дурного со стороны вельможи, встала и подошла к нему, чтобы «приять его милосер-

дие» ... Женщина пошла и нашла золото и искупила мужа милосердием разбойника (выделено нами. – И. М.)» (1989: 366–367). В авторском пересказе «приять милосердие» – псевдоцитата. Путем введения данной формулы Лесков развивает проложный эпизод в духе своего понимания главного смысла христианской этики – «Очеловечить евангельское учение – задача самая благородная и вполне своевременная. Не по душе она только “торгующим благодатью...”»². Наконец, в отличие от конспекта, в «прилоге» от 14 июня писатель особо выделяет момент «обращения злодея», его внутреннего преображения. Зафиксированный в основном на современном русском языке переписчиком фрагмент у Лескова полностью архаизируется и маркируется кавычками. Архаизация заметна на общем фоне современной лексики. Сравним тексты Пролога, конспекта и 1-й редакции: а) Пролог: «И призвав я к себе оконцем, идеже бе ввержен, и рече им: да ведите, яко аз разбойник бех, многа зла и убийства сотворих <...> убо видя ваше целомудрие, умилихся к вам. И молю вы: яко да по смерти моей, идуще на место имя рек им, в зидании граднем раскопавше возмите злато, елико обрящете, и имейте сие во отদание долга вашего, и в прочую потребу вашю» (Л. 170 об.); б) Конспект в записной книжке: «Призвал жену к окошку, где он б<ыл> ввержен, и сказал: вы знаете, что я разбойник <...> видя ваше целомудрие, я умилихся, прошу вас по смерти своей, пойти на место, “им же имя рек” (в зидании граднем), раскопайте и возьмите золото, какое найдете, и имейте на раздание долга и “прочую потребу”» (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 40); в) 1-я редакция: «он “поману к себе жену и рече ей: аз умилихся, видя целомудрие ваше. Аз разбойник есмь и имам злато сокровенно в зидании граднем. Иди на место, имя рек, раскопай и возьми злато там сокровенное на воздаяние долга мужа твоего и иные потребы ваши”» (1989: 366–367).

К отредактированному проложному источнику писатель снова возвращается в 1888 году и создает 2-ю редакцию, получившую название «Аскalonский злодей. Происшествие в Иродовой темнице (Из сирийских преданий)». Почему Лесков вновь обратился к Слову? В настоящее время обнаружено два прямых авторских свидетельства. Во-первых, в эпистолярных диалогах с современниками писатель открыто говорил о своем желании продолжить работу по преобразованию проложного текста, приближению его к духовным запросам современности: «обнять и оживить этот 2000 лет уснувший мир <...> погружаться в Сирию и Египет ...» (РО ИРЛИ. Ф. 227. Ед. хр. 62. Л. 126). Во-вторых, в письме В. А. Гольцеву от 14 ноября 1888 года Лесков пишет, что хотел приурочить новый пересказ к событиям «святочного вечера». «Не нужна ли

еще маленькая “сирийская легенда”, – спрашивал он, – в лист с небольшим? Жанр тот же, но приурочено к рождеству» (1956–1958: 399). Очевидно, функциональной приуроченности проложного Слова к святым способствовала схожесть его душеполезного содержания с диапазоном мотивов святочных рассказов Лескова – следование евангельским заповедям, самоотверженное страдание, ментальное преображение грешника [2: 182, 186].

В чем состоит «подгонка» нового пересказа проложного Слова к рассказам «святочного характера»? Кого писатель называет в нем «аскалонским злодеем»? Письма Лескова редактору журнала «Русская Мысль» М. В. Лаврову свидетельствуют о многократной правке текста 1-й редакции: «я его опять еще раз измараl <...> я с ним очень заморил себя...» (1956–1958: 435), «...я еще почерчу рукопись <...> еще побьюсь <...> таков уж мой копоткий прием работать, и иначе я не могу работать» (1956–1958: 436). Удалось установить, что авторские колебания обнаруживаются: 1) в выборе названия произведения (в одной из записных книжек фигурируют следующие: *Вельможа и разбойник*, рукою писателя оно зачеркнуто и сверху надписано: *Аскalonский злодей* (РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 108-а. Л. 1об.); в качестве названия 2-й редакции Лесков выбрал последний вариант); 2) в поиске жанрового определения (варианты: «сирийская легенда» (1956–1958: 399), «рассказ» (1956–1958: 448), «из сирийских преданий» (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 1); окончательным вариантом стало: «из сирийских преданий»); 3) в введении / или не-введении эпиграфа (писатель все же ввел эпиграф на немецком языке – *Эпиграф к «Аскalonскому злодею»*. *Warum rufst Du mich heraus an meinem dunklen Graben? Auch dass du Zecuqnis gibst von einer dunklen Zeit* (РО ИРЛИ. Ф. 612. Ед. хр. 109. Л. 29)³; 4) в переосмыслении концовки: Лесков намеревался изменить финал – «рассказ лучше кончить “грехом”» (1956–1958: 448), «как бы надо было разрешить в связи с житейской правдой» (1956–1958: 447), – но сохранил все же проложную концовку: «я ведь держался жанра и потому ближе написал к той развязке, какую дал Пролог...» (1956–1958: 448), «Ключевский одобряет мой домысел и находит, что это “сделано в духе того времени”» (1956–1958: 448).

Авторская работа над текстом 2-й редакции шла в двух направлениях: 1) воссоздание исторического колорита раннехристианской эпохи; 2) углубление нравственно-философской основы проложного повествования. В отличие от «прилога» от 14 июня, во 2-й редакции Лесков конкретизирует время событий – «при царе Иустиниане и жене его Феодоре» (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 3); воссоздает фон эпохи «царя Иустиниана», включает сведения об исто-

рии города, пространные описания сирийских пейзажей, интерьеров домов, Иродовой темницы; приводит данные об утвари и яствах жителей Аскалона; описывает ритуальные танцы. Удалось установить, что некоторые сведения писатель заимствует и творчески претворяет в новый пересказ из романов немецкого египтолога Г. Эберса «Дочь египетского царя» (СПб., 1883), мемуаров В. Андреевского «Египет. Александрия. Каир, его окрестности, Саккара и берега Нила до первых порогов. Описание путешествия в 1880–1881 гг.» (СПб., 1884), монографии киевского ученого Ф. А. Терновского «Греко-восточная церковь в период Вселенских Соборов» (Киев, 1883) и др. Так, описывая происхождение города Аскалона, его географическое расположение и характеризуя религиозную ситуацию в период царствования императора Иустиниана, Лесков практически дословно цитирует соответствующие фрагменты из труда Ф. А. Терновского. Авторские описания в деталях совпадают с фактами, изложенными киевским профессором: «...на восточном берегу Средиземного моря, севернее Газы и южнее Азота, стоял город Аскалон... По-еврейски он назывался Джора... Аскалон... был основан в глубокой древности филистимлянами и разрушен турецким султаном Саладином. В долгий век этого города ему привелось быть языческим, христианским и мусульманским... в один из этих переходов от одного положения к другому там случилось... следующее характерное происшествие...» (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 1). Другой пример. Во 2-ю редакцию введены многочисленные описания сирийской темницы. Писатель перенасыщает текст подробностями о местонахождении тюрьмы, времени и особенностях ее постройки; детально, натуралистически вырисовывает эпизоды, характеризующие лютую жестокость в содержании людей, воссоздает картину ужасной процедуры «прожигания» тюремной ямы, во время которой «забывали тех, кого хотели избыть беззложно» (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 11). В письме в редакцию «Русских Ведомостей» Лесков настойчиво заявлял о том, что в изображении сирийской темницы он пользовался только материалами Пролога и Четий-Миней (1956–1958: 310). Между тем во 2-й редакции обнаруживаются скрытые цитаты из книги бесед пастора Э. Берсье «Придворный проповедник» (СПб., 1880): «Иродова темница в Аскалоне была посреди города на главном базарном месте. Она была рытая в землю в рост очень большой погребной ямы... обширный мрачный подвал, подобно тому, в каком при Ироде был долго томлен и без суда, в минуту пьяного разгула, зарублен Креститель... в дальнем конце погребной ямы... находился тесный лаз в особую низкую глиняную ямину, по названию

“прокаженную”» (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 5, 10, 28)⁴.

Соблюдая основную линию сюжетного развития 1-й редакции, писатель вносит новые акценты в ее нравственно-философскую концепцию. Смысл нового пересказа выражен в вопросе «В чем заключается благо жизни?» и варьирующейся на протяжении всего повествования сен-тенции – «*кто сильно любит жизнь, тот ее потеряет, а кто не дорожит ею, тот ее не только найдет для себя, но и может дать силу жизни другому*» (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 31). Подобное истолкование проложенного Слова обусловило его эйдологическую корректировку образов «некой жены», «купца», «вельможи» и «разбойника».

Во 2-й редакции наиболее сложная творческая работа была также посвящена правке образа «купца». Его облик индивидуализируется: персонаж получает имя – Фалалей, «имеет тридцать пять лет», «отважный и искусный мореходец» (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 1). В отличие от «прилога» от 14 июня, теперь Лесков прямо называет героя «христианином» (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 1), но при этом особый акцент делает на то, что при всей искренности своей веры Фалалей недостаточно вник в смысл практической евангельской этики. Долгие годы он «заблуждался в понимании христианского учения», «запрещающего» «желание большого богатства» (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 3). «Купец» же был «алчен», «не знал сытости и хлопотал иметь еще более золота» (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 3). «*В нашей вере есть то, что тебе непонятно, – оправдывая себя, он говорит жене, – чтобы быть добрым, надо иметь, чем людям помогать. Я богатею с тем, чтобы... начать благотворить своим по вере*» (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 3). Если в исходном тексте образ персонажа статичен, то во 2-й редакции происходит его внутреннее преображение. Перед фрагментом спасения супружеской четы «злодеем» писатель вводит диалог «купца» и «некой жены», в котором Фалалей признается: «*Ты умела быть всем довольна, – вот это и есть то, что нужно и что дает счастье, а я был жаден к приобретению богатства, – это то, что не нужно и в чем скрыто несчастье жизни. Я за это страдаю*» (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 24), «*Я испортил себя, когда прикоснулся к богатству... желая богатства, нельзя не забыть об истинном благе*» (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 33).

Та же тенденция детализации прослеживается в воссоздании образа «некой жены». Ее облик индивидуализируется, психологически углубляется. Безымянная в исходном тексте «некая жена» получила имя – Тения, она «оставалась язычницей» (ср. в Прологе «некая жена» – «христианка») (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 4), «двад-

цать четыре года, обладала замечательной красотой и превосходила кротостью доброго характера», «благоразумная жена» (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 4), «женщина отличного образования, обладала приятным искусством прекрасно петь и играть на многострунной арфе» (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 4). В новом пересказе Лесков значительно осложняет положение Тении. Ей предстоит претерпеть «чрезвычайно тяжелое и большое испытание ее добродетели» (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 7). Большая драматизация достигается за счет развития про-ложных ситуаций и введения в повествование новых. Назовем основные: а) Тения добывала пропитание себе, мужу, детям и старухе Пуплии игрой на арфе в саду Эпимаха; б) героиня непре-клоня к предложениям «мореходцев» продать им за золото свои ласки; в) злобный доимщик Тивуртий употреблял разные меры к отягчению положения Фалалея в темнице, чтобы тем самым вынудить Тению сдаться на искательства «вельможи»; г) все ее осуждали, все ей говорили, что не тот «ключ благодетелен, который хранит свою чистую воду в своем водоеме, а тот, который разбегается далеко потоком и поит всех, кого томит жажды» (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 13). «*Все искушающие доводы почетных и близких людей мутят в ней ясность сознания*» (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 27). По сравнению с «прилогом» от 14 октября, во 2-й редакции писатель дает психологическую и этнографическую мотивировку поступку героини, стремящейся разрешить появившееся «недоумение»: «*права ли она, охраняя свое целомудрие с непреклонным упорством?*». В Тении «*пробудилось заложенное с детства суеверие: при больших недоумениях вопрошать кости мертвых <...> мертвый череп: как он ей скажет – она так и поступит*» (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 28). Героиня отыскала в «песчаной долине могилу, из которой торчал наружу провещательный череп <...> и, не зная того, что в земле закопан христианин, молчальник, старец Фермуфий, затрепетала от страха, когда тот начал вещать» (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 28)⁵. Удалось уста-новить, что писатель вкладывает в уста аскета Фермуфия древнерусскую притчу об «инорозе»⁶, включенную в «Повесть об Варлааме и Иоасафе», а также легенду о горном источнике, вошедшую ранее в роман-хронику «Соборяне» (1874). В ис-толковании аллегорических образов притчи и ле-генды Лесков одновременно показывает борьбу добродетели и греха в душе отчаявшейся было героини и ее утверждение в окончательном вы-боре – «*отдать <...> жизнь за друзей, но <...> дух возвратить <...> чистым*», «*не искушать несчастных постыдными сделками*» (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 27). Процитируем интересующие нас фрагменты «Аскalonского злодея» в сравнении с первоисточниками:

2-я редакция

«Из уст, завешенных звериною шерстью, грязные космы которой сплелись с слюною и глиной, слышатся звуки, но совсем не похожие на человеческий голос. Можно понять, что он бредет известною восточною притчею о двух мышах, белой и черной, которые точат ветку, торчащую из стены страшного обвала. На этой ветке висит человек... внизу под ним пропасть, над ним пропасть, над его головой другая – беспредельное небо... Белая и черная мышь все, чередуясь, точат... ветка лопнет... человек оборвается в темную пропасть... Сердце сжалось... руки слабеют... тошно... мыши все друг другу сменяют... все точат – вверх, вверх над собою гляди! – воскликнул молчальник и продолжает тише: – Нет края здесь и нет края там, но вниз глядеть тошно, – вверху освежает... (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 28–29).⁷

Лесков дает новое, по сравнению с притчей, толкование аллегорическим образам: «мышь черная и белая» – борьба греха и добродетели в душе человека; «ветка» – жизненный путь человека; «пропасть

2-я редакция

– Бил хрустальный ключ у предгорья... Струи его свежи и светлы... Пустыня вокруг... зной... полдень... бредет воин усталый... Воду видит, утолил свою жажду... Охлажденная вмиг голова отуманилась... Воин бежит и оставил здесь наполненный золотом пояс... Приближается юноша... и его томит зной и он чувствует жажду... Пьет... Забирает пояс с золотом и уходит... Шествует медленно старец... зной опалил и его... Старец тоже напился и здесь опочил... Горный источник! Зачем ты поил их? Воин хватился, где пояс и золото! Старец не брал золота, – старец невинен... Воин не внемлет его уверениям... Старец убит... Кровь его льется в ручей... Лучше б не тек он... Лучше б он не манул к себе воина, юношу и старца... Храни чистоту!» (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 28–29).

Лесков интригует читателя и не сразу сообщает о последнем решении кроткой Тени. Только значительно позже во введенном во 2-ю редакцию эпизоде, когда героиня возвратилась в темницу с целью покончить страдания мужа, автор говорит о ее опасном намерении «очутиться в прокаженной яме» (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 30). От страшного поступка Тени спасает «разбойник»: «...очутилась у лаза в прокаженную яму, и через мгновение она была бы там, но в то же самое мгновение зазвенели цепи разбойника и его скованные руки обхватили стан Тени...» (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 30).

Писатель дополняет смысл проложного фрагмента – «спасение злодеем супружеской четы». Если в 1-й редакции «умиление» верностью супругов побудило «разбойника» сказать «некой жене» о месте, где хранится золото, то во

Притча об «инорозе»

«Жизнь человека на земле скоротечна и может быть уподоблена человеку, спасающемуся от разъяренного единорога. Пытаясь избежать ярости страшно ревущего и бешено скачащего чудовища и не достаться ему на растерзание, человек проваливается в глубокую яму. Падая, он хватается широко раскинутыми руками за ветви растущего дерева и держится за них, пытаясь в то же время нащупать ногами выступ, и ему уже кажется, что он стоит на твердой почве, как вдруг, поглядев вниз, он видит, что две мыши, белая и черная, беспрестанно грызут корни дерева, на которых он держится. Еще немного и мыши совсем подгрывают дерево. Взглянув в глубину ямы, человек видит страшного дракона... Приглядевшись к выступу, человек замечает четыре змеиные головы, появившиеся из стены, к которой он прислонился. Подняв голову, человек видит в ветвях дерева немного меда и вмиг забывает об обступающих его опасностях... соблазнившись медом. Толкование: Подобно этому человеку, ведут себя люди, поддавшиеся обольщению земной жизни. Единорог – смерть, яма – весь мир, полный смертельных опасностей. Дерево – жизненный путь. Четыре змеи – стихии, составляющие человеческое тело, но и разрушающие его. Дракон – чрево ада. Мед – соблазны жизни. Мыши – день, ночь» [6: 74].

вверху» – пространство вечных, высоких ценностей; «пропасть внизу» – пространство сиюминутных ценностей. Отметим, что в поверьях, сказках, иконописи образ мыши олицетворяет душу [8].

Роман-хроника «Соборяне»

«...Овраг, из которого бурливым ключом бил гремучий ручей... прохладой повеяло на спаленную зноем голову Туберозова... Туберозову приходит на память легенда, прямо касающаяся этой воды... Люди верят, что в воде <...> скрыты великие силы... легенда <...> утверждает... Отсюда этим ключом бьет великая сила. Сюда к этим водам ради сил обновленья бредет согбенный летами старец, в эту хрустальную чашу студеной воды с молитвой и верой мать погружает младенца...»⁸.

2-й редакции Лесков так говорит о его поступке: злодей открывает тайник, потому что Тения «надорвала» его «сердце своим тяжким горем»: «Ты такая добрая и верная, что мне тебя стало жаль, а я еще не знал, как жалею... Я не знал... как отрадно жалеет человека... Возьми за это себе мое золото и выкупи мужа» (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 30). В отличие от 1-й редакции, на золото «разбойника» Тения выкупает из темницы не только своего мужа, но и всех должников.

В новом пересказе проложного Слова Лесков индивидуализирует облик «разбойника». Герой получает имя – Анастас-душегубец, вводятся его предыстория (береговой злодей, всех убитых им на суше и на море сорок душ) и портретная характеристика. По сравнению с 1-й редакцией теперь автор сильнее делает акцент на

ситуации чуда преображения грешника путем включения в повествование варьирующихся формул – «*Он сделал много зла, но не угасил в сердце своем сожаления, а кто умеет жалеть, тот еще не мертв для доброй жизни*» (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 29), «*поддержал меня (Тению. – И. М.) <...> человек, который сам более жить не думал <...> обреченный на смерть Анастас*» (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 30).

Изменения претерпевает и образ «вельможи». Писатель именует безымянного персонажа Милием, теперь он «ипарх», «знатный сановник», изменяет причину посещения героем темницы. Если в 1-й редакции «вельможа» приходит подать милостию заключенным, то во 2-й редакции «ипарх» приезжает из Дамаска, чтобы произвести суд и казнить Анастаса. В повествовании о нем исключаются мотивы милосердия. Напротив, в результате переработки в облике «знатного сановника» отчетливо выделена главная черта – жестокость. Наиболее полно она обнаруживается во введенном в текст 2-й редакции эпизоде «свершения ипархом самого бесчеловечного дела» – «приказе сжечь живым разбойника». Данный фрагмент является ключевым для понимания смысла названия нового пересказа. По логике сюжета знатный сановник оказыва-

Было:

Торговые дела шли у Фалалея очень удачно, но чем он больше богател, тем сильнее увеличивалась в нем алчность и ему хотелось иметь более золота. Тении это причиняло большое беспокойство и она не раз предостерегала Фалалея, чтобы он жил спокойнее и довольствовался тем, что уже приобрел (РГАЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 4).

В 1890 году Лесков вновь включает повесть (2-й вариант 2-й редакции) в состав Собрания сочинений (СПб., 1890. Т. 10) и вносит в него не-

ется более страшным злодеем, чем разбойник Анастас, погубивший множество душ. Отметим и другое важное поновление текста 2-й редакции. Лесков присоединяет еще один сюжетный ход. Жестокость «ипарха» не осталась безнаказанной: Милия «зарезали два никому не ведомых отчаянных разбойника», когда тот стоял во время «огненного пала» у темницы.

Известно, что в 1888 году Лесков предложил рукопись «Аскalonского злодея» литературному критику В. А. Гольцеву (см. письмо от 14 ноября 1888 года). Между тем под этим названием повесть была опубликована только через год в журнале «Русская Мысль» № 11 (1-й вариант 2-й редакции). Сравнение 2-й редакции и ее варианта показало, что писатель вносит лишь незначительные изменения частного характера, не нарушающие общую идеиную концепцию произведения: 1) изменяет эпиграф: вместо изречения на немецком языке появляются два высказывания из сочинений античного философа Лукреция и известного психиатра XIX века Ломброзо, которые проясняют, кого из героев с большим правом следует называть «аскалонским злодеем» – разбойника Анастаса или сановника Милия; 2) в образе купца Фалалея усиливается страсть к богатству за счет дополнения текста 2-й редакции некоторыми психологическими подробностями. Например:

Стало:

Торговые дела шли у Фалалея очень удачно, но [богатство сделало его безрассудным:] чем он больше богател, тем сильнее увеличивалась в нем алчность, и ему хотелось иметь еще более золота. [Такая жадность к богатству] причиняло [кроткой Тении] большое беспокойство и, она не раз предостерегала [мужа, чтобы он не поддавался этой страсти] и жил спокойнее, [потому что и того, что он уже успел приобрести было довольно для жизни без нужды и лишений] («Русская Мысль». 1889. № 11. С. 35).

значительную стилистическую правку. Сформированная ранее идеиная основа и сюжетная канва остались неизменными.

* Статья подготовлена в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития Петрозаводского государственного университета на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лесков Н. С. Собр. соч.: В 12 т. Т. 11. М.: Биб-ка «Огонек», 1989. С. 366. Далее цитируется по этому изданию с указанием года издания и страниц в круглых скобках.

² Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. Т. 11. М.: Худ. лит., 1956–1958. С. 456. Далее цитируется по этому изданию с указанием года издания и страниц в круглых скобках.

³ Пер. с нем.: «Зачем ты меня вызываешь из моей темной могилы? Этим ты также даешь свидетельство о смутном времени». Исследовательница В. М. Клочкова отмечала, что эпиграф на немецком языке не сохранился [3]. Этот же эпиграф в записной книжке. См.: РО ИРЛИ. Ф. 612. Ед. хр. 109. Л. 30.

⁴ Переосмысленный фрагмент из книги пастора Берсье «Придворный проповедник»: «...блестающий огнями полный, оживленный дворец, в котором идет пир и веселье, – и под ним мрачное, сырое подземелье... В той тишине томится человек... убитый, мертвый Креститель... Иоанна не стало, но голос его звучит в ушах преступного царя...». См.: Берсье. Придворный проповедник. СПб., 1880. С. 30–32. В письме А. С. Суворину от 29 ноября 1888 года Лесков упоминает об «очерках Берсье «О придворном проповеднике» (Иоанне, который кричал царю Ироду из погреба)...» (РО ИРЛИ. Ф. 268. Ед. хр. 131. Л. 145). В библиотеке Лескова была книга «Избранные беседы пастора Берсье / Пер. А. Забелина» (СПб., 1881). В настоящее время хранится в ОГЛМТ 610/169 о. РК. Ф. 2. Оп. 2. 246.

⁵ В ОГЛМТ 610/21ооф. РК. Ф. 2. Оп. 2. 54 хранится вырезка из журнала «Русская Мысль» (1889. № 11), где впервые был опубликован 1-й вариант редакции-1888. На полях около слов «старец Фермуфий» рукой, вероятно, сына писателя А. Н. Лескова написано: «Атава. Тетка Фермуфия». В настоящее время точный смысл надписи установить не удалось. Между тем можно предположить влияние на текст Лескова произведений С. Н. Терпигорева, так как Атава – это его псевдоним. Известна также рецензия Лескова на II том сочинений С. Н. Терпигорева «Потревоженные тени» (СПб., 1890), в состав которого вошел рассказ «Тетенька Клавдия Васильевна». См.: Лесков Н. С. [Рецензия] // Исторический Вестник. 1890. № 12. С. 817–818. Рец. на: Терпигорев С. Н. (Атава) «Потревоженные тени». СПб., 1890. Т. II.

⁶ Притча «об инорозе» вошла и в состав Пролога под 19 ноября.

⁷ В вырезке из журнала «Русская Мысль» (ОГЛМТ 610/21ооф. РК. Ф. 2. Оп. 2. 54) на полях около слов «восточною притченою» рукой, вероятно, сына Лескова написано: «толст^{овская} притча». В частной переписке профессор ЕУ СПб Г. А. Левинтон высказал предположение о том, что возможным источником для Лескова в данном фрагменте послужила «Исповедь» Л. Н. Толстого. Благодарим за высказанное предположение профессора Г. А. Левинтона. К сожалению, в настоящее время не удалось обнаружить каких-либо авторских свидетельств, поэтому невозможно точно определить, каким именно источником пользовался Лесков, их актуальность и иерархию – собственно текстом притчи, ее проложной версией или толстовской «Исповедью».

⁸ Лесков Н. С. Полное собр. соч.: В 30 т. Т. 11. М.: Терра, 2012. 800 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горелов А. А. О «византийских» легендах Лескова // Русская литература. 1983. № 1. С. 129–131.
2. Душечкина Е. В. Русский святочный рассказ: Становление жанра. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. С. 181–194.
3. Ключкова В. М. Рукописи и переписка Н. С. Лескова. Научное описание // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1971 год. Л.: Наука, 1973. С. 1–12.
4. Минеева И. Н. Записная книжка Н. С. Лескова с выписками из «Прологов» (опыт текстологического комментария) // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. Т. 13. С. 401–420.
5. Опульский А. И. Жития святых в творчестве русских писателей XIX века. Michigan, 1986.
6. Повесть о Варлааме и Иоасафе. Памятник древнерусской переводной литературы XI–XII вв. М.: Наука, 1985. 296 с.
7. Пролог. М.: Син. тип., 1642–1643. Л. 170–170об.
8. Сумцова П. Ф. Мышь в народной словесности // Этнографическое обозрение. 1891. № 1. С. 49–95.

Mineeva I. N., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

THE CREATIVE HISTORY OF THE N. S. LESKOV'S NOVEL “THE EVILDOER OF ASKALON”: THE SOURCES, GENESIS AND POETICS

The article presents author's observations of the creative history of N. S. Leskov's novel “The Evildoer of Askalon”. It has been established that the starting point for writing the story was not Prologue (1642–1643), but an outline in the writer's notebook made by an unidentified person. In the process of fixing the unknown person kept its concept and plot. Leskov refreshed the fixed story in 1886–1887. On this basis the writer created the 1st edition and included it in the series of The Legendary characters. Following the concept and plot of the borrowed story Leskov edited it. In the center of author's attention were the images of “some woman” (her appearance became more vital, it emphasized compassion, humility, chastity) and of “a robber” (the author added the situation of his inner transformation using archaisms instead of modern vocabulary). Leskov changed the images order to humanize the Gospel. The writer returned to the edited source in 1888 and produced the 2nd edition titled “The Evildoer of Askalon”. Leskov rewrote the 1st edition into a moral and philosophical novel. The story was to answer the question “what is a good life?”. Such interpretation of the original text caused a further adjustment of images of “some woman”, “merchant”, “great men”, “robber” (endowing the characters with names and biographies). The story was published in 1889 (“Russian idea” № 11 – the 1st version of the 2nd edition). The writer made only minor changes that did not violate the general ideological concept of the work. In 1890 Leskov included the novel (the 2nd version of the 2nd edition) in the Collected edition (SPb., 1890. Vol. 10) with minor stylistic corrections.

Key words: Prologue, Russian literature of the XIX century, N. S. Leskov, the Byzantine legend, textual criticism

REFERENCES

1. Gorelov A. A. On Leskov's “Byzantine” legends [O “vizantiyskikh” legendakh Leskova]. Russkaya literatura. 1983. № 1. P. 129–131.
2. Dushchekina E. V. Russkiy svyatochnyy rasskaz: Stanovlenie zhancha [The Russian Christmas story: The formation of the genre]. St. Petersburg, SpbGU Publ., 1995. P. 181–194.
3. Kлючкова В. М. The N. S. Leskov's manuscripts and correspondence. The scientific description [Rukopisi i perepiska N. S. Leskova. Nauchnoe opisanie]. Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1971 god. Leningrad, Nauka Publ., 1973. P. 1–12.
4. Mineeva I. N. N. S. Leskov's notebook with extracts from “Prologue” (the experience of textual comments) [Zapisnaya knizhka N. S. Leskova s vypiskami iz “Prologov” (opыт текстологического комментария)]. Problemy istoricheskoy poetiki. Petrozavodsk, PetrGU Publ., 2015. Vol. 13. P. 401–420.
5. Opul'skiy A. I. Zhitiya svyatyykh v tvorchestve russkikh pisateley XIX veka [The lives of the Saints in the Russian writers' works of the XIX century]. Michigan, 1986.
6. Povest' o Varlaame i Ioasafe. Pamyatnik drevnerusskoy perevodnoy literatury XI–XII vv. [The tale of Barlaam and Joasaph. The monument of ancient Russian translated literature of the XI–XIIth centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 296 p.
7. Prolog [Prologue]. Moscow, Syn. tipografiya Publ., 1642–1643. Fl. 170–170 rev.
8. Sumtsova P. F. The mouse in folklore [Mysh' v narodnoy slovesnosti]. Etnograficheskoe obozrenie. 1891. № 1. P. 49–95.

Поступила в редакцию 28.03.2016